

Косовский кризис и право вооруженных конфликтов

С. А. ЕГОРОВ*

В ходе визита в Союзную Республику Югославия в конце сентября 1999 г. автору этой публикации представилась возможность на месте ознакомиться с последствиями военной операции НАТО «Союзническая сила».

В международно-правовом плане операция представляла собой не санкционированное Советом Безопасности ООН применение вооруженной силы с целью оказания поддержки одной из сторон вооруженного конфликта немеждународного характера, происходившего между центральной властью СРЮ и вооруженными сепаратистами из так называемой Армии освобождения Косово (АОК). Действия НАТО, представлявшие собой по характеру воздушно-морскую наступательную операцию, привели к интернационализации вооруженного конфликта в Югославии.

Согласно статье 2, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., указанные Конвенции и Дополнительный протокол к ним, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), должны «применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны». Кроме того, применяются также положения Гаагских конвенций 1907 г. и ряда других договоров. Нормативный материал, содержащийся во всех этих правовых документах и имеющий в большинстве своем не только договорный, но и обычно-правовой характер, применим к отношениям, возникшим

* С. А. Егоров — профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ. (Сведения об авторе указаны на момент представления рукописи в редакцию Журнала. — Прим. ред.)

Статья написана на русском языке.

между СРЮ и НАТО после 24 марта 1999 г. — дня открытия военных действий. К моменту начала конфликта все страны НАТО были участниками Конвенций 1949 г., а большинство из них — и Дополнительных протоколов к ним.

Военные операции НАТО, несмотря на использование высокоточного оружия, призванного, по заявлению руководства альянса, обеспечить бескровный характер операций, сопровождались нарушением основополагающих норм и принципов права вооруженных конфликтов (международного гуманитарного права). В частности, в ходе операции со стороны НАТО были нарушены положения Раздела I Части IV Дополнительного протокола I, касающиеся общей защиты от последствий военных действий. Согласно статье 49, пункт 3, Протокола, положения Раздела I «применяются к любым военным действиям на суше, в воздухе или на море, которые могут причинить ущерб гражданскому населению, отдельным гражданским лицам или гражданским объектам, находящимся на суше. Они также применяются ко всем нападениям с моря или воздуха на объекты, находящиеся на суше...».

Согласно статьям 51 и 52 Протокола I, нападения (то есть акты насилия) надлежит строго ограничивать комбатантами и военными объектами. Гражданское население и гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий. При этом Протокол относит к военным объектам те, «которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество».

За 78 дней военной операции, по данным югославской стороны, погибло более 1300 мирных жителей, в том числе около 400 детей, тысячи мирных граждан получили тяжелые ранения. Для гражданского населения Югославии сохраняется угроза пострадать от кассетных бомб, не разорвавшихся во время ракетно-бомбовых ударов НАТО. Предполагается, что в Косово в настоящее время (кроме мин, установленных боевиками, сражавшимися против югославской армии) в общей сложности насчитывается от 30 до 50 тысяч неразорвавшихся кассетных бомб.

Возникает вопрос, какое «явное военное преимущество» (по смыслу статьи 52) приобретали силы НАТО, выводя из строя электростанции, телецентры, мосты и другие подобные объекты на территории Югославии? Новую интерпретацию, очевидно, получает и понятие поражения цели в случае применения высокоточного оружия.

**Применение некоторых видов оружия:
существует ли риск возникновения
«косовского синдрома»?**

Размещение миротворческих сил в Косово после более чем двухмесячных бомбовых и ракетных ударов НАТО по Югославии вновь привлекло внимание зарубежных СМИ к так называемому синдрому войны в Персидском заливе. Под ним подразумевают симптомы загадочного заболевания, которое восемь лет спустя продолжает поражать многочисленные группы военнослужащих, принимавших участие в операции «Буря в пустыне». Так, к настоящему времени уже около 90 тысяч американских участников боевых действий 1991 г. обратились с просьбами о проведении медицинских обследований, чтобы установить, не был ли нанесен в то время ущерб их здоровью. Новый всплеск внимания (совпавший по времени с войной в Югославии) к расследованию причин заболеваний и объяснению «синдрома войны в Персидском заливе» возник вследствие высказанного рядом западных военных экспертов мнения о том, что первопричиной всего являются применявшиеся при ведении боевых действий снаряды, содержащие радиоактивные вещества. По их расчетам, во время войны по позициям иракских войск было выпущено в общей сложности около 700 тысяч таких снарядов. Их заряды содержали компоненты, выполненные из слабообогатщенного урана.

История создания снарядов, начиненных слабообогатщенным ураном, берет начало в 70-х гг. — тогда советские специалисты разработали новую, так называемую динамическую, технологию бронезащиты и на вооружение сухопутных войск стали поступать танки, которые оказались практически неуязвимы для существующих противотанковых снарядов западных держав. Это подтолкнуло американских разработчиков к идее использования в боеприпасах слабообогатщенных урановых стержней. По своей физической природе слабообогатщенный уран имеет крайне высокие плотность (в 2,5 раза больше, чем сталь) и твердость. Однако в момент удара такие заряды становятся источниками радиационного заражения. По оценке специалистов, в результате резкого разогревания слабообогатщенного урана образуется множество радиоактивных частиц (размерами от 1 до 5 микрон), которые разлетаются в радиусе до 50 м от места разрыва снаряда. Поражающее действие этих частиц связано как с непосредственным действием проникающей радиации на человека, так и радиоактивным заражением воздуха и местности (образцы техники, фортификационные сооружения и др.). Таким образом, появляется риск

не только получить непосредственно дозу радиации, но и, вдыхая радиоактивную пыль, подвергнуться заражению позднее — за счет осевших в организме радиоактивных изотопов.

Обоснованность выявленных причин «персидского синдрома» подтверждается недавно обнародованными сведениями о результатах обследования британских ветеранов войны. Оказалось, что уровень содержания радиоактивных веществ в организмах бывших военнослужащих превышал допустимые нормы. Так, из 30 обследованных человек почти у половины выявлены тяжелые последствия радиации. Кроме того, большая обеспокоенность ветеранов боевых действий последствиями ухудшения здоровья вызвана утверждениями медиков о том, что воздействие радиоактивных веществ может обусловить возникновение в человеческом организме генетических мутаций, способных передаваться по наследству.

Согласно опубликованным данным, в результате бомбардировок территории Югославии было израсходовано около 12 тысяч снарядов, начиненных слабообогатенным ураном. Проявятся ли последствия от их применения и насколько скоро, будет видно уже в ближайшее время. Страны — участницы НАТО должны принять своевременные меры по недопущению возникновения «синдрома Косово». Между тем одним из первых опасность возникновения «синдрома Косово» поняло руководство Бельгии. По заявлениям ее военного руководства, в бельгийские подразделения, размещенные на Балканах в составе миротворческого контингента, были посланы директивы, в которых предписывалось выполнение следующих мер безопасности: избегать нахождения в зонах, где были бомбардировки и находятся обломки бронетанковой техники (на расстояниях не менее 50 м); в случае необходимости действий в пораженных районах использовать противогазы, фильтрующие радиоактивную пыль, и защитные перчатки¹.

В связи с вышесказанным, видимо, можно ставить вопрос о подготовке очередного протокола к Конвенции о некоторых видах обычных вооружений 1980 г.

Нападения на гражданское население и гражданские объекты и их последствия

Удары НАТО вызвали значительное увеличение числа перемещенных лиц и беженцев всех без исключения этнических общин и конфессий

1 Независимое военное обозрение, № 49, 1999 г.

Югославии. Частичное разрушение или полное уничтожение десятков гражданских объектов (электростанций, телецентров, медицинских учреждений, объектов фармацевтической, химической, табачной, машиностроительной, автомобильной, строительной и других отраслей промышленности) на территории Югославии, где работали 600 тысяч человек, привело к тому, что около 2,5 млн. человек остались практически без средств к существованию. По предварительным данным, экономический ущерб, причиненный СРЮ военной акцией НАТО, превысил 100 млрд. долларов США

Есть все основания полагать, что в результате ударов НАТО были разрушены объекты (например, электростанции, сооружения для снабжения населения питьевой водой, источники грунтовых вод, оказавшиеся загрязненными нефтехимическими веществами, и др.), необходимые для выживания гражданского населения, которые пользуются защитой по смыслу статьи 54 Протокола I.

Статья 56 Протокола I запрещает нападения на установки и сооружения, содержащие опасные силы. И хотя указанная статья касается защиты только плотин, дамб и атомных электростанций, ее положения *de lege ferenda* уместно применять и в отношении таких объектов, как, например, нефтехимический комбинат в Панчево, разрушение которого вызвало серьезное загрязнение природной среды химическими веществами, отдельные из которых способны вызвать раковые заболевания и генетические изменения.

Необходимо отметить нарушение НАТО статьи 55 Протокола I, согласно которой при ведении военных действий следует проявлять заботу о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба. В этих целях «запрещается использование методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения». Речь идет прежде всего о разрушении нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий, нефтехранилищ на территории Югославии, повлекшем серьезное загрязнение природной среды не только самой СРЮ, но и других европейских стран. Оценка экологической обстановки должна быть поручена компетентной международной комиссии, состоящей из независимых экспертов.

Разрушение в ходе военной акции НАТО десятков памятников истории и архитектуры, зданий школ, вузов, библиотек представляет

собой нарушение положений Гагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, а также статьи 53 Протокола I, запрещающих совершать какие-либо враждебные акты, «направленные против тех исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов».

Хотелось бы обратить внимание на то, что некоторые из указанных выше серьезных нарушений НАТО норм и принципов международного гуманитарного права (нападение неизбирательного характера, затрагивающее гражданское население или гражданские объекты, нападение на установки и сооружения, содержащие опасные силы, превращение гражданского населения или отдельных гражданских лиц в объект нападения, превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения и др.) квалифицируются Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительным протоколом I как военные преступления, что влечет за собой материальную ответственность соответствующих субъектов международного права и уголовно-правовую ответственность физических лиц, виновных в совершении указанных преступлений.

Важнейшей специфической чертой права вооруженных конфликтов как одной из отраслей современного международного права является то, что многолетний процесс его кодификации и прогрессивного развития проходил с учетом противоборства принципа гуманизма и принципа военной необходимости. В свою очередь одной из существенных движущих сил такого процесса на протяжении столетий являлось совершенствование средств и методов ведения вооруженной борьбы. В связи с этим на исходе II тысячелетия специалисты не без основания говорят о войнах шестого поколения. Особенность современного этапа в развитии средств и методов ведения войн заключается в том, что на фоне сохраняющихся запасов ядерного оружия происходит процесс создания, накопления и практического применения так называемого высокоточного оружия. Наличие и практическое использование (Ирак — 1991 г., Югославия — 1999 г.) именно данного вида средств уничтожения и разрушения подлежит регулированию с помощью применения норм и принципов права вооруженных конфликтов.

Что касается ситуации с Югославией, то указанное оружие применялось в ходе так называемого интернационализованного вооруженного конфликта немеждународного характера, если иметь в виду, что до начала операции НАТО в СРЮ имел место внутригосударственный

вооруженный конфликт, участниками которого выступали, с одной стороны, Вооруженные силы Югославии, а с другой — так называемая Армия освобождения Косово. После начала операции субъектами международного права, обязанными соблюдать нормы права вооруженных конфликтов, являлись Югославия, страны — члены НАТО и сам Североатлантический альянс.

По своему характеру вооруженная акция НАТО, как уже отмечалось, представляла собой воздушно-морскую наступательную операцию, то есть такой вид военных действий, который до сих пор менее всего подвержен международно-правовой регламентации. Все вышесказанное преследует цель подчеркнуть сложность обстоятельств, на фоне которых приходится проводить анализ действий НАТО в отношении СРЮ в свете существующих норм и принципов права вооруженных конфликтов.

Кризис гуманитарного права?

Породили ли действия НАТО в Югославии кризис системы норм и принципов, составляющих право вооруженных конфликтов? Очевидно, нет. Ситуацию следует рассматривать в широком масштабе и перспективе, учитывая всю совокупность фактов и обстоятельств, влияющих на развитие современного международного права (и тем самым на состояние современного международного правопорядка) вообще и права вооруженных конфликтов в частности.

Термины «гуманитарная интервенция», «гуманитарная катастрофа» не несут юридически значимой нагрузки с точки зрения международного права. Эти термины в лучшем случае можно отнести к понятийному аппарату политологии, социологии и т. п. Международно-правовые акты вообще и источники права вооруженных конфликтов в частности не содержат определения подобных понятий.

Право прав человека оперирует такими понятиями, как грубые и массовые нарушения прав человека в конкретно взятом государстве, масштабы которых могут дать основание международному сообществу действовать на основании главы VII Устава ООН, то есть их пресекать, поскольку они затрагивают интересы всего международного сообщества. Однако в этом случае, согласно Уставу ООН, соответствующие решение и меры принимает Совет Безопасности ООН.

Весной 1999 г. эту функцию, пожалуй, впервые за весь послевоенный период присвоила НАТО. Кроме того, согласно последним данным, в Югославии не было ситуации столь масштабного грубого и массового

нарушения прав человека, которая могла бы послужить основанием для проведения военной операции даже по решению Совета Безопасности. Количественные показатели числа жертв этнических албанцев, якобы ставших результатом реакции СРЮ на действия АОК, оказались фальсифицированными.

В конце 1999 г. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) опубликовала два доклада о нарушениях прав человека в Косово. Их авторы пришли к выводу: до начала военной операции НАТО против Югославии в мятежной провинции не происходило ни расправ над мирным населением, ни «этнических чисток». Конечно, нарушения прав албанцев и даже убийства имели место, но они не носили массового характера. После 24 марта, когда натовские самолеты сбросили первые бомбы на Белград, ситуация радикально изменилась. Преследование жителей Косово со стороны сербских властей стало систематическим, более миллиона человек были изгнаны из своих домов, несколько тысяч убиты. Таким образом, трагедия этих людей стала прямым следствием предпринятой Западом «гуманитарной интервенции». Тысячи мирных людей погибли не до, а после начала военной операции, что дает основание говорить об ответственности лидеров государств — членов НАТО и самого альянса².

В любом случае противоправно, с международно-правовой точки зрения, использование так называемой гуманитарной интервенции в качестве средства для того, чтобы «соблюдать и заставлять соблюдать» Женевские конвенции и Дополнительные протоколы, как об этом говорится в статье 1 упомянутых документов, поскольку принудительные меры (а именно о них в данном случае идет речь) с использованием вооруженных сил могут быть осуществлены, как уже говорилось, только на основании решения Совета Безопасности ООН.

Каким же образом побудить участвующие в конфликте стороны признать применимость международного гуманитарного права в каждом конкретном случае? Прежде всего надлежащее решение должна вынести ООН путем принятия соответствующей резолюции Совета Безопасности. На практике, однако, необходимость применимости гуманитарного права часто подтверждает МККК, и к его мнению большей частью прислушиваются. Воздействовать на соответствующее государство могут также третьи страны, но без применения силовых методов. Желательно для прояснения правовой ситуации привлекать Международный суд ООН³.

2 Известия, 7 декабря 1999 г.

3 Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право. М., МККК, 1995, с. 33.

Заключительные замечания

США и НАТО за весь период проведения военной операции весной 1999 г. не потеряли ни одного военнослужащего. Избежать же жертв среди гражданского населения Югославии, как уже отмечалось, не удалось. Поэтому, если и можно квалифицировать этот конфликт как «первую войну без потерь», то с весьма высокой степенью условности. Будут ли ситуации, подобные югославской, представлять типичное явление в перспективе?

По всей видимости, приходится признать, что триумф современной науки и техники стимулирует процесс снижения уровня нравственности у современных политических деятелей.

Актуальным, помимо всего прочего, продолжает оставаться вопрос о дальнейшем запрещении или ограничении применения наиболее варварских видов обычных вооружений, решение проблемы имплементации норм права вооруженных конфликтов, укрепления режима ответственности за их нарушение как на национальном, так и международном уровнях. Насущным представляется дальнейшее совершенствование правовой базы регулирования отношений, возникающих в период вооруженных конфликтов немеждународного характера, а также в период интернационализированных вооруженных конфликтов немеждународного характера.

